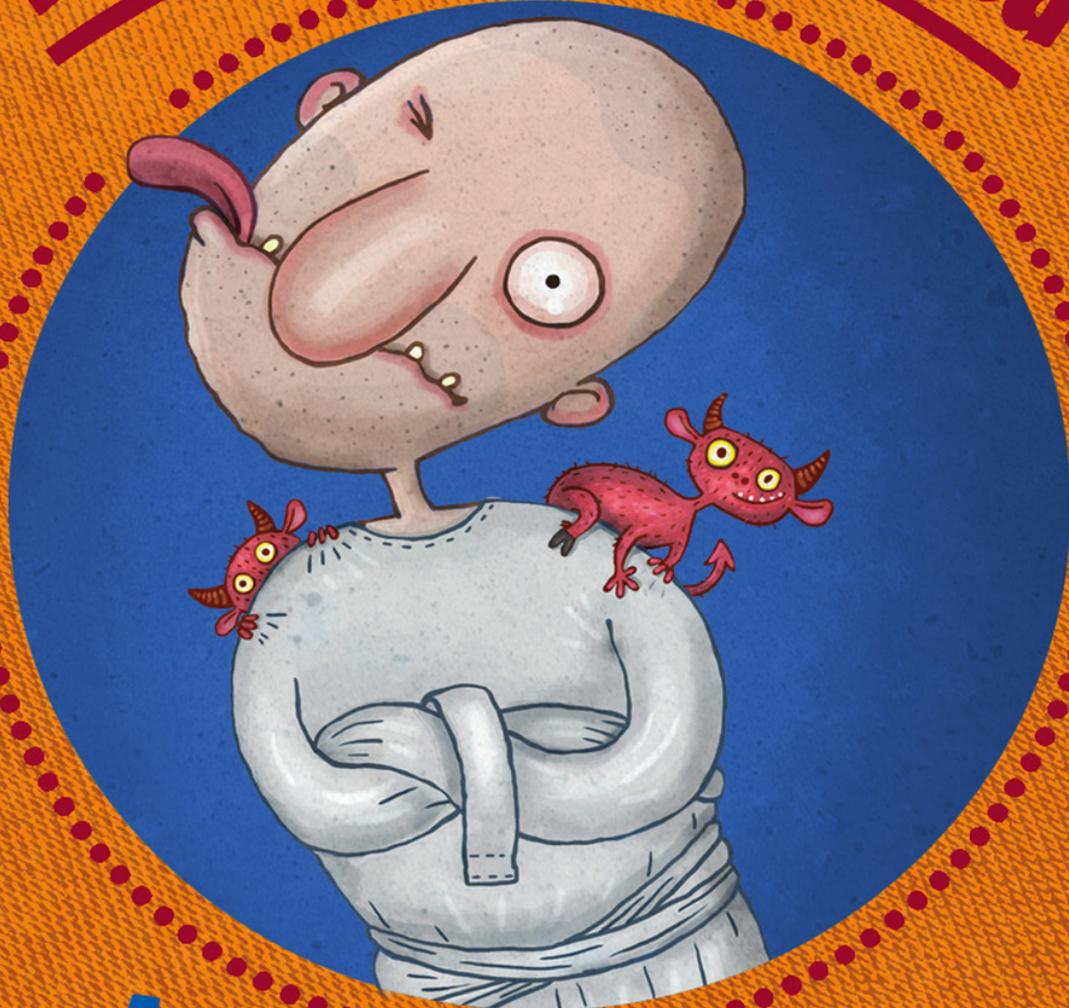

ДЕТЕКТИВ

С ОГОНЬКОМ

Татьяна Луганцева

Мир вашему
ДУРДОМУ!

Детектив с огоньком

Татьяна Луганцева

Мир вашему дурдому!

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Мир вашему дурдому! / Т. И. Луганцева — «АСТ»,
2013 — (Детектив с огоньком)

Муза Юрьевна Ромашкина, учительница музыки, пережив развод с мужем и отчаявшись найти себе нового супруга через Интернет, решила отправиться в брачное агентство. Она жаждала наделать новых ошибок и потерять голову от новой любви. Совершенно случайная встреча с Григорием нарушила мирное течение жизни пианистки. Безмятежное существование полетело вверх тормашками, рухнуло в пропасть и завертелось такой каруселью, что Муза просто потеряла голову. Теперь ей предстояло разобраться с пропавшим покойником, «прослушкой», огнестрельным ранением, убийцей-душителем и прочими криминальными радостями... Книга также выходила под названием «Табу на женатых мужчин».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Луганцева Т. И., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Луганцева

Мир вашему дурдому!

© Т.И. Луганцева, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

– Ну вот! Наконец-таки! Хоть кто-то стоящий! – подбодрила великовозрастную дочь Светлана Игоревна, появляясь за спиной дочери, словно привидение, и подслеповато щурясь на экран компьютера.

Ее дочь, тридцатипятилетняя Муза Юрьевна Ромашкина, давно пребывающая в статусе разведенной женщины, наконец-таки решила познакомиться с потенциальным женихом через Интернет, потому что ничего лучшего придумать не смогла. Сначала ее мама, женщина старой закалки и высоких моральных устоев, категорически не приняла этот способ знакомства.

– Это несерьезно! Как можно познакомиться, не видя человека? Твой чертов компьютер уже заменяет мужчину, это ненормально!

– Сейчас все так делают. То есть не все, конечно, – смущенно отвечала Муза, – но многие. А где еще найти пару? Коллектив у нас женский – на работе не познакомишься. В транспорте... Это на кого нарвешься. Да и не знакомятся вот так в пути... в суете, в толпе, на ходу...

– Да что ты вообще видишь! – прервала ее мать, намекая на испорченное с детства зрение. – Ты и на мужчин-то не смотришь, ходишь согбенная, словно под грузом своих проблем. Кто к тебе подойдет-то?

Муза была близорука, словно крот, и к тому же рассеянна. Очки же носить не любила. Если оставляла их дома, то начинала сильно щуриться и просто тыкаться в лицо и грудь собеседника носом. Ее подруга Настя Кречетова смеялась по этому поводу:

– Со стороны это выглядит так, как будто ты обнюхиваешь человека, когда разговариваешь с ним...

В целом же внешность у Музы была вполне приличная. Рост выше среднего, стройная, с длинными светло-русыми, слегка выющимися волосами и большими грустными голубыми глазами с несколько нефокусированным, плавающим взглядом. Как говорила все та же подруга Настя: «Глаза у тебя вечно грустные потому, что их никто не видит из-за идиотской оправы, которая сидит на твоём носу словно седло! Не хватает только свисающих по бокам стремян, которые бились бы о твои щеки и гнали тебя дальше по жизни!»

– Что ты такое говоришь? – смеялась Муза. – Даже представить страшно!

– Вот-вот! Представить страшно, а ты такую оправу носишь! Почему ты выбрала страшную, стариковскую оправу темно-коричневого цвета? Почему?

– Тебе не нравится?

– А кому это может понравиться? Кто тебе еще скажет правду, если не лучшая подруга? Купи красивую оправу, тоненькую, совсем незаметную на лице. Зачем себя так уродовать? Ты словно специально! Ты же молодая женщина! А еще лучше – приобрети контактные линзы и открой миру свои выразительные, красивые глаза!

– Я молодая? – удивленно уточнила Муза.

– Ну, не очень старая же! – хмыкнула Настя, зная, что самооценка у ее подруги здорово занижена.

– Да, наверное... – неуверенно согласилась Муза. – Не то чтобы очень юная, но и не дряхлая еще. Такой стабильный середнячок.

– Слава богу, что ты хоть это осознаешь, – рассмеялась подруга. – Глаза красивые, волосы светлые, кожа белая, а очки такие мощные, темные, словно ты позаимствовала их у покойного дедушки.

Удивлению Музы не было предела.

– Почему «покойного»? – растерялась она.

– А живой тебе бы очки не отдал, – пояснила Анастасия.

И Музе пришлось еще долго утирать слезы от смеха.

Поэтичным именем Музу назвал отец, очень рано ушедший из жизни. Муза его почти и не помнила. Естественно, он был музыкантом, весьма успешным и известным в своих кругах. Музыкой была наполнена его жизнь до краев. Он играл на рояле, неплохо пел, сочинял музыку и всё время гастролировал, зарабатывая неплохие деньги, к которым относился на удивление легко.

С первой женой жизнь Юрия Владимировича Ромашкина не заладилась. Ей было всё равно, где он и с кем, главное, чтобы деньги приносил. Юрий Владимирович материально обеспечивал женушку и, что называется, мог быть свободен, большего от него и не требовалось. А супруга развлекалась с любовниками и вела праздный образ жизни на его деньги. Разрыв произошел, как в плохом анекдоте. В командировке Юрий Владимирович простудился, заболел воспалением легких и досрочно вернулся домой, где, как выяснилось, его не ждали. Жену он застал в постели в объятиях крепкого мужика, сплошь покрытого татуировками. Застыв на пороге спальни, Юрий Владимирович долго соображал, что бы это могло значить, прижимая к себе портфель с нотами. А когда понял, возмущению его не было предела:

– Так ты... изменяешь мне? Как же так, дорогая? Разве это прилично, разве это возможно... Как ты могла?..

Жена вскочила с кровати и подбежала к растерянному мужу:

– Ну, что ты, в самом деле? Ну, развлеклась чуть-чуть. С кем не бывает? Ты же постоянно в отъезде, – упрекнула его пышногрудая жена, еще пытавшаяся достойно выйти из весьма недостойной ситуации.

Юрий Владимирович нашел в себе силы собраться с мыслями, потом прихватил вещи и ушел от ветреной жены, которая его квартиру благополучно оставила себе. Сам Юрий Владимирович был настолько интеллигентен и скромен, что даже не заявил никаких претензий на свое личное имущество. Жена долго не верила, что он вот так сможет уйти и простить ее.

Жил он при филармонии, как бомж. Коллеги вошли в его положение, закрыли глаза на его ночевки. Юрий Владимирович мыл пол в благодарность, питался там же в столовой или покупал хлеб, сосиски и молоко в соседнем магазине. Костюмы у него скоро пришли в упадок, залоснились и вытерлись, а вечно мятые рубашки заставляли коллег хмуриться.

Гардеробщица филармонии сжалилась над ним и уговорила свою соседку, учительницу английского языка, одинокую и очень положительную женщину, сдать комнату Юрию Владимировичу, боясь, что рано или поздно его все равно попросят из подсобки пожарные.

Соседка согласилась, и через год совместной жизни в одной квартире они расписались и создали крепкую семью. Мама Музы была намного моложе отца, и естественно, что он раньше ушел из жизни, осиротив своих любимых девочек.

Светлана Игоревна хранила светлую память о муже, но неустроенная жизнь дочери ее сильно огорчала. Конечно, дочь с таким именем и папой-музыкантом не могла не пойти в музыкальную школу и не окончить ее с отличием, естественно, по классу фортепьяно, сделав это с огромным удовольствием.

В музыке Муза жила, существовала, и чувства ее раскрывались, только когда она садилась за инструмент. Поэтому Муза дополнительно отучилась еще два года и освоила арфу и аккордеон. Потом она поступила в высшее музыкальное учебное заведение. Девушка была прилежна и хорошо училась, ее заметили и сразу после окончания пригласили в оркестр как арфистку, место пианистки было занято. Оркестр был достаточно известный и часто гастролировал по российским филармониям и даже за границей. А еще Муза с детства учила английский язык, знала и немецкий с переменным успехом. Это ей помогало за пределами родины. Она очень любила путешествовать по Европе. Ей нравились маленькие европейские города.

Слыла она среди своих коллег-музыкантов дамой нелюдимой и немного странной, существовала обособленно, как бы в потустороннем мире. К себе в душу никого не допускала, близ-

ких подруг на работе не имела. С мамой у нее сохранялись дружеские, теплые отношения, подруга одна осталась с детства. Ей-то Муза могла доверять полностью.

Настя Кречетова всю жизнь проработала учительницей в школе, а после тридцати лет вдруг захотела что-то изменить в жизни, причем радикально, видимо, предвеляя кризис среднего возраста. Она уволилась из школы и устроилась работать в туристическое агентство «Надежды сбываются». Ее ценили как сотрудницу с высшим образованием, умеющую работать с людьми, знающую языки. Настя переводила документацию фирмы, работала с рекламой, которую присылали из других стран. Но пока не достигла карьерного роста, всё еще была младшим менеджером. Настя часто жаловалась Музе:

– Я взрослая женщина, а используют меня на побегушках! «Помоги! Отнеси-принеси! Поддай кофе!» Словно курьерша, честное слово...

– Это же временно, – успокаивала Муза.

– Мне не доверяют клиентов, и это плохо. Я так не наберусь опыта! А я знаю, почему мне их не доверяют: нет вакансии туроператора. Я должна ждать, пока кто-нибудь из туроператоров уйдет! Меня обманули! Меня взяли менеджером и всё время кормят баснями об испытательном сроке. А я чего должна ждать? У моря погоды? Вдруг кто-то из сотрудников умрет или забеременеет и уйдет в декрет?

– Настя!

– Ну, хорошо. До пенсии у нас в фирме всем далеко. Остается только проводить кого-нибудь в декрет! – распалилась Анастасия. – Есть пара молодых девчонок замужних. Так это месяцев девять минимум ждать или год!

– Ты сама рвалась на эту работу, – напомнила Муза.

– Так в том-то и дело, что работать не дают.

Еще был в жизни Музы дирижер симфонического оркестра Генрих Маслович. Он-то и разбил мечты двадцатипятилетней Музы о счастливой семейной жизни, любви до гроба и принце на белом коне в дребезги.

Счастливы они были года два, и то это счастье было весьма относительным, просто ей сравнить было не с чем и не с кем, а потом Генрих запил по-черному. Оказывается, он и до встречи с Музой увлекался алкоголем, потом вроде завязал, чтобы гастролировать за границей, но не справился с болезнью или вредной привычкой, и она с новой силой вырвалась наружу.

С мужем Муза хлебнула по полной. Пил Генрих по-страшному, до потери памяти, до белой горячки, до рукоприкладства и оскорблений. А после запоя Музе доставался трясущийся, бледный, плохо пахнущий и стонущий мужчина, которого надо было не то что приводить в чувство, а просто возвращать к жизни, к тому же он не помнил, что происходило накануне.

Она отпаивала его куриным бульоном, отварами, рассолом. Иногда приходилось покупать пиво. Муза кормила мужа с ложечки и, естественно, пыталась образумить, слабо представляя, как это делать. Всё тщетно. Несколько лет пыток, а потом она не выдержала и ушла. Тогда Генрих вроде бы взялся за ум и попытался вернуть любимую жену. С работы его уже к тому времени выгнали, так как в пьяном угаре он со всеми разругался. Характер у Генриха испортился, он стал озлобленным, неуравновешенным и агрессивным. Музыканты написали коллективное письмо с отказом работать в одном коллективе с психически больным человеком.

После увольнения, пытаясь спасти мужа от пьянства, Муза решила сменить обстановку и куда-нибудь уехать. Генрих тут же предложил ей отправиться вместе с ним в Сибирь, он там бывал, эти края его давно привлекали. И, несмотря на то, что Муза была в то время единственной кормилицей в семье, она взяла отпуск, чтобы поехать со своим суженым-ряженым на одну из крупнейших рек в мире – Обь. «Ты не представляешь, какая там красота! Огромные вековые ели с темными лапами. Ты знаешь, что еловый лес – самый сумрачный? Сосны...

снег, первозданная природа! Закат, рассвет и упоительный воздух! Я дурею от него, а не от алкоголя! Одиночество и покой. Три избы на несколько километров. Все надо будет делать своими руками: колоть дрова, носить воду, топить печь. Будем собирать грибы, мариновать, сушить их на зиму, я буду ходить на охоту! Представляешь, как настоящий мужик буду добывать мясо, рыбу, забуду об алкоголе навеки!» – горячо убеждал ее Генрих. Муза решила, что любовь надо спасать.

Поселилась семейная пара в деревенской избе в спартанских условиях, что и было обещано.

Муза – домашняя девочка, чуть с ума не сошла от отсутствия нормального быта, но собралась и решила сделать всё, чтобы помочь мужу. Им удалось продержаться целую неделю в холоде и фактически в голоде, продуктов был минимум. А потом в соседнюю избу приехали любители зимней охоты. Надо отметить, что всю эту неделю Генрих был мрачнее тучи и всю накопившуюся злобу из-за отсутствия выпивки срывал на Музе. Она это понимала и терпеливо ждала, когда израненная градусами нервная система у близкого человека придет в норму. Но ее надеждам не суждено было сбыться, потому что охотники затарились по полной ящиками с водкой, и всё предполагаемое лечение Генриха сразу же пошло насмарку.

Он пропадал у небритых соседей сутками, а они по доброте душевной поили его и смеялись, когда бедняга напивался до свинского состояния. И сколько Муза ни просила, ни умоляла их этого не делать, ничего не помогало. Она уже решила вернуться домой, если Генрих не образумится.

Однажды ночью Муза проснулась от того, что на нее навалилось что-то большое и грузное. Муза перепугалась и не сразу сообразила, что это немый бородатый мужик, воняющий перегаром.

– Что вам надо?! – вскрикнула она, отбиваясь от негодя и путаясь в белье.

– Тише, тише... Молодая, красивая, а муж – алкоголик! Ну, чего ты? Теплая, мягкая... Мы с ребятами давно баб не видели, а тут такая женщина пропадает! Не дадим друг другу пропасть... Ну, ну, не брыкайся... Мужики тоже ждут своей очереди...

– Ах, мерзавец! Гадина! Хам! Немедленно отпустите меня! Сволочь! Подонок!

Непокорность Музы пьяного детину только раззадорила.

– Помогите! – кричала в отчаянии Муза. – На помощь!

– Кого ты зовешь? Твой мужик пьяный в стельку, а вокруг лес на тысячи километров и дикие звери. Так что не кричи, детка, успокойся и поцелуй меня! – пыхтел бородатый злодей.

Но тут Муза извернулась и ухватила лежащее рядом полено. Им она и огрела несостоявшегося любовника по затылку. Он не потерял сознание, но потерял ориентацию в пространстве на какое-то время. Этого хватило Музе, чтобы выскочить на мороз, засунув ноги в огромные валенки насильника, которые он скинул у порога. И еще она успела сорвать с вешалки свой пуховик. Спряталась она от своего мучителя в холодном сарае, пока он бегал вокруг избы с проклятиями, обещая убить на месте.

Под утро он угомонился, нашел недопитую бутылку и прикончил ее. Генрих хватился Музы и нашел ее в сарае вконец замерзшую и почти без чувств. Она рассказала ему, что случилось. Он пошел к охотникам разбираться. Те долго извинялись, притащили какую-то лечебную настойку, чтобы Муза согрелась, но ее била мучительная дрожь. Пальцы у нее почти не сгибались, но она решила, что просто сильно замерзла. А когда и через час, и через два, и через день, и через несколько дней чувствительность к рукам не вернулась, Муза перепугалась не на шутку.

Понятно, что они с Генрихом вернулись домой раньше, чем предполагалось. И Муза с ужасом поняла, что не может играть. Она не чувствовала ни клавиш, ни струн арфы, то есть чисто теоретически по генетической и отработанной практикой памяти она могла играть, но уже не на том высоком уровне. Муза обратилась к врачу и прошла обследования, начиная

от исследований головного мозга и заканчивая тестами функций периферической нервной системы. Она потратила на восстановление все сбережения, так как для нее музыка была жизненно необходима, и лишиться ее было смерти подобно.

После многих месяцев лечения Муза поняла, что ее карьере и надеждам отца пришел конец.

Естественно, ее уволили из оркестра вслед за пьющим муженьком. А Генрих сказал, что она сама во всем виновата, могла бы уступить, а не бегать по холоду и не прятаться неизвестно где и неизвестно зачем. Муза ушла от него окончательно и бесповоротно. Она настолько разочаровалась в супруге, что решила покинуть его раз и навсегда. Но Генрих еще долго доставал ее, доказывая, что она по своей глупости покалечилась, потеряла такую хорошую работу и теперь не может его содержать. «Подумаешь, цаца! От тебя бы не убыло! Надо же было такое учудить – полуголой на морозе сидеть! Дура!» – зудел некогда любимый муженек.

Но, как говорится, нет худа без добра. Порвав с Генрихом, Муза почувствовала большое моральное облегчение. Правда, беда с руками подкосила ее конкретно. Она растерялась, у нее началась депрессия. Муза осталась одна со свалившимися на нее проблемами.

Подруга Анастасия утешала ее, как могла:

– Бедная ты моя! Вместо уroda-алкоголика пострадала сама! Ты, словно жена декабриста, бросила всё и поехала за любимым в глушь! Но стоил ли он таких жертв? Почему мы, женщины, такие сердобольные? О себе лучше бы думали, а не о всяких подонках. Я ведь тебе говорила, предупреждала, чтобы ты сто раз всё взвесила, прежде чем пуститься в таежную авантюру!

– Я думала спасти! Помочь!

– Ты что, МЧС? Головой надо было думать. И вот оно чем обернулось... – вздохнула Настя, зная, что значит для ее подруги потеря профессии.

Муза решила, что пора кончать страдать, пора искать в жизни занятие. Она придумала давать частные уроки музыки детям. Эта мысль ее воодушевила.

Частными уроками Музе предлагали заняться давно, и вот теперь именно это занятие стало для нее самым главным. Правда, в денежном отношении ее чаяния не оправдались – денег она почти не получала. Муза еле-еле сводила концы с концами, существовала на грани нищеты. Иногда она ехала к ученику, имея деньги только в один конец. За час репетиторства ей платили тысячу рублей, и она могла купить себе продукты. Беда была в том, что учеников у нее было мало, и деньги она получала далеко не каждый день.

А еще ее очень напрягало вынужденное одиночество. С каждым годом шанс найти свое счастье становился всё более призрачным. На ее мозги, и так работающие в этом направлении, постоянно капала Настя, заставляя активизироваться в этом русле.

– Ты должна найти мужика! Ты просто обязана! Жизнь проходит. Ты же такая добрая и нежная! В чем дело? Тебе тяжело одной! А состоятельный мужчина – это опора в жизни. Пора вить гнездо! – уговаривала ее Настя.

– Ты сама себя слышишь? «Вить гнездо»! Ты с ума сошла? Я что, птица, что ли? Я не верю, что мужчина может стать для меня опорой. Мой жизненный опыт говорит об обратном.

– Да, ты уж точно не царица-лебедь! Скорее сгорбленная, прибитая жизнью цапля, – фыркнула Настя. – Тебе просто не повезло. Ну и что? Такое бывает. Это не повод опускать руки и плыть по течению незнамо куда. Ты рождена для полета! Должна парить в небесах, а не вязнуть в болоте...

– Я не против найти себе кого-нибудь, просто чувствую, что никому не нужна, да и где познакомиться – не знаю. Я же нигде не бываю, только в домах своих учеников. А это счастливые семьи, мужчины, приходящие домой, целуют своих жен и интересуются успеваемостью своих детишек. Я всегда чувствую себя неудобно и неуютно в такие моменты, словно присутствую на чужом празднике жизни, и я туда не приглашена, попала случайно.

– Ты завидуешь?

– Я скорее смущена, но мысли, что у меня такого нет, посещают, это тоже правда. Я не хочу видеть нежность и любовь других людей, наверное, чтобы не травмировать себя лишний раз. Я себя не люблю за это, но ничего поделать не могу...

Именно тогда Настя и убедила подругу поискать счастье в Интернете. Вроде как одна из учительниц в ее бывшей школе нашла себе таким способом мужа, и они счастливы.

Муза послушалась. Теперь вечерами она сидела за своим стареньким компьютером и всматривалась в фотографии мужчин. Разные лица, лица, лица... Незнакомые люди, иногда жуткие образы с толстыми волосатыми животами, пьяные, часто просто неприкрыто предлагающие интим, свободные отношения и прочую лабуду.

Она сразу пропускала такие «милые» предложения и такие «милые» лица на фото. Некоторые, похоже, и фотографировались в пьяном виде, с кружкой пива или бутылкой водки, или в постели... То есть хлама хватало, это точно. Она пыталась найти серьезного человека, надеясь, что, возможно, ей повезет.

Один немногословный мужчина по имени Алексей привлек ее внимание. На фото он показался ей вполне достойным внимания. Он обозначил профессию – врач. На вопросы в переписке Алексей отвечал очень скупой и сжато, что тоже нравилось Музе: он не разводил соплю, а это говорило о его благонадежности. Ему, наверное, тоже было некогда заниматься глупой перепиской.

Алексей сказал Музе, что в разводе уже два года. Ее все устраивало в нем. На предложение Алексея встретиться Муза с радостью согласилась и стала очень ответственно готовиться к этому важному событию. Именно в тот момент Настя радостно сообщила, что нашла ей еще одну ученицу для поправки ее шаткого финансового положения.

– Очень состоятельные люди! У них дочка. Я познакомилась с ними на работе. Они покупали тур в Арабские Эмираты. Самый дорогой тур и в самый дорогой отель. Денег вообще не считали. Куча кредиток, куча наличности, любая форма оплаты. Дама, с интересным именем Валенсия, интересовалась также возможностью приобрести в поездке золото и дорогие вещи. Живут они полгода в Англии, полгода в Москве. Девочка ходит в престижную школу при английском посольстве, а дополнительные частные уроки мама организует сама. Виктория, так, кажется, зовут девочку, занимается теннисом, французским языком, конным спортом, а Валенсия мечтает обучить девочку игре на фортепьяно. Но в музыкальную школу ребенок пойти не может, так как нет времени посещать ее чуть ли не каждый день. Она – девочка из очень богатой семьи и не может ходить вместе со всеми детьми по «всяким сольфеджио, хорам и на историю музыки». Это я цитирую ее мамашу. Да и как она вообще будет посещать занятия, если ребенка постоянно увозят за границу? Валенсия сильно переживает, что девочка останется без музыкального образования. Готовит она ее как будто к браку с принцем или арабским шейхом. И тут я скромно сказала, что у меня подруга – профессиональная музыкантша и сейчас как раз занимается тем, что обучает детей на дому. Я сразу о тебе подумала!

– Спасибо, – на всякий случай ответила Муза, еще не зная, благодарить подругу или подождать, хотя сердцебиение у нее участилось: что говорить, ученики ей были нужны.

– Ну вот! Валенсия заинтересовалась! А я, не будь дура, сказала, что час обучения у тебя стоит двести долларов!

– Господи, Настя! Это же почти шесть тысяч рублей! Но это не так! Я на тысячу согласна.

– Молчи! Я сказала, что двести долларов нормально для профессионала такого уровня, как ты! Кстати, Валенсия даже глазом не моргнула, я даже пожалела, что зарядила всего лишь двести, такая бы и пятьсот заплатила! У богатых другие понятия о деньгах! Тут смекалку проявлять надо! Если бы я сказала – тысяча рублей, она бы еще и отказалась, подумав, что все это несерьезно и ты никуда не годная обыкновенная заурядность.

– Это нечестно! Я не делю людей на богатых и бедных. Я беру деньги за свою работу: приехала, уехала и час музыкальных знаний. А дети для меня все равны. Они, как это ни странно звучит, не виноваты в том, что у них богатые родители, я с них тоже взяла бы тысячу рублей, – ответила подруге Муза, смущаясь.

– Ну и идиотка! – совершенно спокойно ответила Настя. – С таких как раз и нужно брать деньги. Хотя, честно тебе скажу, сама Валенсия очень запоминающаяся личность. Красивейшая баба! Яркая! Волосы белые, глаза синие, губы красные! В общем, просто актриса или модель уже в возрасте, может, как мы. Но выглядит, конечно, лучше, ухоженной, но оно и понятно при таких деньжищах! Причем, как я поняла, зарабатывает там муж, везет же кому-то с мужиками! Какая на ней одежда, нам и во сне не приснится. Стильная, дорогая. На каждом пальце и в ушах бриллианты! Запах парфюма сбивает с ног, а на ногах шпильки-стилеты в стразах. Не женщина – богиня! Но характер чувствуется. Она слышит только себя, громко говорит и от других ожидает только выполнения своих поручений. Деньги разворачивают, на этой женщине это сказалось в полной мере. А как она разговаривает с людьми, каким тоном! Но, с другой стороны, тебе дело иметь с ребенком, а не с ней. Да и с ней можно вполне, она баба умная, деловая, главное, не вступать в полемику. Но зато деньги...

– Так ты что, окончательно договорилась? – удивилась Муза, боясь поверить своему счастью.

– Ты русский язык понимаешь? Договорилась! Вот тебе телефон, позвони, тебя будут ждать. Найдешь общий язык с девочкой – дела пойдут в гору. Ты детям нравишься.

– Спасибо, конечно, – обрадовалась Муза. – Я позвоню...

– Смотри не забудь! Они живут в ближайшем Подмоскovie! Вернее, это Новая Москва, коттеджный поселок! Давай, засучи рукава и зарабатывай деньги! – Такими напутственными словами проводила ее подруга.

Алексей позвонил Музе и назначил встречу у торгового центра. Муза радостно решила, что в ее жизни наконец-то закончилась темная полоса и началась светлая, раз и ученица богатая нарисовалась, и свидание уже не за горами.

Ноябрьская погода не радовала. Муза надела осенние туфли на высоких каблуках, короткую облегающую юбку и теплую приталенную куртку с пышным воротником из меха лисы. Светлые волосы убрала под шапочку, слегка завив концы плойкой, как могла. Она умело нанесла на лицо макияж, надушилась и отправилась на свидание.

Муза подошла к торговому центру и замерла в нервном ожидании. Прошло пять минут, потом десять, Алексея не было. Неожиданно около нее остановился незнакомый мужчина. Он внимательно посмотрел на Музу и довольно нахально, как ей показалось, спросил:

– Вы не меня, девушка, ждете?

– Вы Алексей? – спросила она, приосаниваясь.

– Нет, я Геннадий, но, если что, можете называть меня Алексеем.

Муза рассердилась. Вот хлюст!

– Нет, извините. – Она отвернулась.

Мужчина не отставал:

– Скажите, а вы что, ждете человека, которого никогда не видели?

– А это не ваше дело, – занервничала Муза. – Идите своей дорогой.

– Знакомство по Интернету? Дорогая, не советую, – не отступал мужчина.

Муза смерила его огненным взглядом с головы до ног и быстро пошла к метро. По пути она осторожно оглянулась, но настырного незнакомца поблизости не было. В тот момент, когда она вошла в метро и ступила на эскалатор, ей пришла эсэмэска: «Я сегодня прийти не смогу, тысяча извинений. Я заболел».

«Вот черт! – подумала Муза. – Ну, не очень-то и хотелось». Она была так расстроена и так не хотела возвращаться домой, что решила немедленно позвонить по номеру, который ей дала Настя.

После нескольких долгих гудков трубку сняли, и приятный женский голос сообщил, что ее имя ничего не говорит, но она сейчас наведет справки у хозяйки.

Муза сообщила, что подождет, и долгих пять минут слушала музыку и мечтала о том, чтобы у нее не закончились деньги на телефоне, а то пропадет хорошая приработка. Наконец трубка ожила:

– Алло, вы еще здесь? Можете подъехать, – вежливо и сухо сообщил тот же женский голос.

– Спасибо, – сказала Муза и села в нужный вагон.

Чтобы сэкономить деньги, она взяла такси от конечной станции метро. Ехать надо было до населенного пункта под говорящим именем «Эльдорадо». Она надеялась, что сегодня ей еще повезет, ведь не может же снаряд попасть в одну и ту же воронку дважды за один день...

Глава 2

Она отпустила такси у шлагбаума, преграждающего въезд в поселок. Дальше Муза решила идти пешком. У охранника ее ждал пропуск.

Поселок «Эльдорадо» оказался на редкость симпатичным.

Дорожки были выложены разноцветной тротуарной плиткой. Муза шла по кипарисовой аллее. Деревья росли в огромных глиняных горшках. Зелени было много, причем, учитывая, что на дворе стоял ноябрь, на газонах радовала глаз трава. Возвышались голубые ели, которые приятно оттеняли голые причудливые ветви деревьев лиственных пород. Особняки в этом элитном поселке словно сошли со страниц сказки братьев Grimm. Все разноцветные, один краше другого, с резными балконами и стеклянными террасами. Таких домов Муза в жизни еще не видела.

Она шла по улице с названием «Солнечная-1», свернула на улицу Лазурную-2. На некоторых участках она увидела фонтаны и гипсовые статуи, изображающие античных героев. Муза решила, что это явный перебор с роскошью. Наконец она остановилась у ограды внушительного особняка из красного кирпича со светлой крышей, на которой можно было летом загорать под солнышком в шезлонге. Муза представила, как на заботливо прикрытых клумбах летом цветут великолепные цветы, как благоухают розовые кусты и умиротворяюще журчат прозрачные струйки в фонтанчиках. В этом поселке богатые люди могли воплощать любые свои фантазии.

Чувствуя легкое волнение, Муза нажала кнопку звонка. В динамике что-то зашипело. Видимо, ее рассматривали в камеру наблюдения. Муза негромко сказала:

– Добрый день. Я вам звонила. Я учительница музыки.

Ответом ей была тишина, но затем калитка открылась с мягким щелчком. Она очутилась в саду, прошла по асфальтовой дорожке до ступенек, ведущих к двери с медной ручкой в форме головы льва. Как только она взялась за ручку, та открылась.

Муза ожидала увидеть красивую, темпераментную блондинку с гонором, как описывала подруга. Но на пороге стоял высокий темноволосый импозантный мужчина. В одной руке он держал бокал, вероятно с коньяком. Муза растерялась. Хозяин дома посмотрел на нее, вопрошительно приподняв бровь.

– Простите... – холодно сказал он.

– Здравствуйте... – оробела Муза.

– Привет. Ты кто? – довольно хамовато поинтересовался он и слегка покачнулся.

Муза поняла, что он уже принял на грудь.

– Я звонила... Я учительница.

– Кто ты? – повторил он, словно не слыша ее и не двигаясь с места.

Муза еще никогда не была в таком глупом положении.

– Муза, – сказала она и покраснела от неловкости ситуации.

– Кто? – удивился хозяин.

– Муза...

Мужчина сфокусировал взгляд на бокале с коньяком, словно думая, много он уже выпил или может себе позволить еще.

– Интересно... Я вроде еще не очень много выпил. Мне вроде сейчас Муза не нужна. Я не творческий человек, так что ни Музы, ни Орфеи меня не интересуют, если честно...

– Нет... Извините... Вы не так поняли! Меня зовут Муза. Муза Юрьевна Ромашкина. Меня так родители называли.

В глазах хозяина мелькнула тень улыбки. Он взмахнул бокалом:

– Как? Муза Юрьевна Ромашкина? Обалдеть. А ведь ничего не предвещало, с утра, я имею в виду... – Он пошатнулся, и она невольно поддержала его за плечо.

– Осторожно...

– Извините, я немного не в форме...

– Я вижу.

Неожиданно за его спиной появилась женщина, одетая строго, но просто.

– Это учительница музыки для Вики. Мы вас ждем!

Хозяин снова взмахнул бокалом, чуть не расплескав жидкость.

– Учительница музыки – Муза! Прикольно!

Муза понимала, что он сильно пьян, но улыбка у него была очень обаятельная и светлая, и этого было не отнять.

– Проходите, Муза Юрьевна! – позвала женщина, и Муза наконец-то переступила порог этого дома.

Приветливая дама приняла у нее куртку и шапочку. Хозяин галантно уступил ей дорогу со словами:

– Антонина, какие симпатичные учительницы бывают! Может, она и меня чему научит? Вдруг я еще чего не знаю?

– Полноте вам, Григорий Георгиевич! Дочь услышит, – с укоризной ответила женщина и обратилась к Музе: – Идите за мной, комната девочки на втором этаже.

Убранство дома тоже произвело на Музу прекрасное впечатление: мало вещей и много пространства. Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и вошли в детскую. Комната поразила ее розово-сиреневыми обоями, занавесками с оборками в крупный горох, широкой кроватью под светлым покрывалом и белым ковром с пушистым ворсом. У стены стояло пианино. На ковре Муза увидела худенькую большеглазую девочку с темной косичкой. Она играла в куклы.

– Знакомьтесь, это наша Вика, – сказала Антонина. – Ваша потенциальная ученица. А это Муза Юрьевна, учительница музыки.

Девочка внимательно посмотрела на Музу и снова принялась расчесывать кукле волосы.

Муза села на круглый вертящийся стул и стала играть не детскую, веселую, подкупающую песенку, а глубокую, взрослую, проникновенную мелодию и не сразу заметила, что в комнате появился хозяин дома. Он прислонился спиной к стене и тоже стал слушать ее. А она продолжала играть, и никто ее не останавливал.

– Это великолепно, – наконец вымолвила Антонина, когда перестала звучать музыка.

– Красиво... – согласился с ней хозяин с неизменным бокалом в руке.

– Спасибо, – улыбнулась Муза.

– Музыка завораживает, вы словно околдовываете, погружаете в другой мир. На самом деле вы можете быть настоящей музой, не только из-за имени, – похвалила ее Антонина.

– Папа, я так же буду играть? – обратилась к хозяину девочка, тем самым определив их родственную связь.

– Если будешь слушать тетю, то вполне возможно, – ответил он.

Девочка поднялась с ковра и осторожно приблизилась к Музе.

– Сколько тебе лет? – наклонилась к ней Муза.

– Семь.

– Отличный возраст. Ты знакома с фортепиано? Вот с этим инструментом?

Девочка подбежала к инструменту.

– Да, я вот так пальцем нажимаю, – выдала она несколько убойных звуков. – Это пианино мама купила не так давно...

– Понятно.

Антонина деликатно потянула Григория Георгиевича за рукав к выходу, чтобы Муза наладила контакт с ребенком.

– Я буду очень хорошо платить, если дочке будет интересно, – успел произнести он, и Муза с Викой остались одни.

– Я не буду заниматься музыкой по воскресеньям! – сразу же твердо заявила девочка.

– Почему? – удивилась Муза. – Мы можем заниматься с тобой, когда захочешь, в удобное время. А сейчас поиграем в игру «угадай ноту».

– Я не знаю такой игры, но мне интересно. Это как мычит корова или лает собака?

– Я сейчас сыграю два раза на первый взгляд одну и ту же музыкальную фразу, а ты мне потом скажешь, одинаковые ли мелодии или всё же различаются. Хорошо?

Вика кивнула.

Муза вновь открыла крышку инструмента.

Через полчаса она вышла в коридор, оставив девочку с куклами. Навстречу ей попала Антонина.

– Вы закончили? Вика у себя? – сразу же поинтересовалась она.

– Да, – кратко ответила Муза сразу на два вопроса.

– Вы по лестнице спускайтесь в холл. Григорий Георгиевич там, правда, он немного выпивши, но все решаемо... При желании, – сказала Антонина.

– Да, я уже видела, то есть поняла.

– Все финансовые вопросы решает он. Вообще-то хозяин не пьет, так получилось. Неприятности у него... А так он очень хороший человек, я работаю в этой семье уже пять лет и знаю, что говорю. Извините, но мне пора звать Вику обедать. До встречи. – И она поспешила к девочке.

Муза вошла в гостиную. В кресле перед телевизором она увидела хозяина. У него под ногами валялась пустая бутылка емкостью ноль семь.

«Не самое удачное время...» – поняла Муза и решила ретироваться тихо, по-английски. Но он заметил ее и расплылся в улыбке.

– А-а... учительница! Как вас там? Афродита? Нет-нет... Муза! Точно! Ну как прошло занятие? Сколько я вам должен за сегодняшний урок? Как мы договоримся? Вам выдать аванс за несколько уроков сразу или вы хотите получать за каждый урок отдельно? – спросил он.

– Вы ничего мне не должны. Сегодня был не урок, а знакомство, – ответила Муза, уже больше всего мечтающая побыстрее унести из этого дома ноги.

– Любое рабочее время оплачивается, – не согласился с ней Григорий Георгиевич. – Когда вас ждать в следующий раз?

– Следующего раза не будет, – тоскливо ответила Муза, уже предвидя бурю. Такое экспертное решение и трезвому было трудно объяснить, а уж пьяному, с замедленной реакцией и пониманием...

– Почему не будет? Я согласен на любую сумму, в разумных пределах, разумеется... – начал хозяин, приподнимаясь из кресла и пытаясь сфокусировать на ней взгляд.

– Дело не в деньгах. У вашей девочки нет музыкальных способностей, нет слуха, – пояснила она, сознавая, что сейчас он вряд ли ее правильно поймет.

– Как это – нет слуха?! – сразу же повысил голос Григорий Георгиевич. – Так мы для того и берем репетитора, то есть учительницу, чтобы научила играть!

– Поймите, учить музыке можно ребенка со способностью к ней, можно развить эту способность еще больше, то есть раскрыть ее. А когда ее нет, не надо мучить девочку, она никогда не сможет играть. К сожалению, у вашей Вики нет музыкального слуха, – честно призналась Муза.

Но отца Вики это заявление явно разозлило.

– Да кто вы такая, чтобы ставить на моем ребенке клеймо, что она неспособная? – недобро прищурился Григорий Георгиевич. – У вас у самой сколько детей?

– У меня нет детей, – поджала губы Муза.

– Это многое объясняет! Да я за свою дочку порву любого! – распаялся он, шагнув к ней. Муза отступила на два шага назад.

– Я в этом не сомневаюсь. Только я не говорила, что она бесталанная, я сказала, что к музыке у нее способностей нет, а это немного разные вещи, – постаралась она сохранить хладнокровие.

– Ты утверждаешь, что мой ребенок неполноценный? Стерва!

Муза похолодела.

– Не смейте меня оскорблять! Чем я виновата, что девочка не музыкальна? Я вот, например, не умею вышивать крестиком, ну и что? Живу, занимаюсь другим делом! – выпалила Муза в сердцах.

– Что? Каким крестиком! – взревел обиженный папаша. – Да как ты смеешь?! – Он оглянулся по сторонам, увидел валявшуюся бутылку, нагнулся, схватил ее и запустил в Музу.

Муза еле увернулась.

Звук разлетевшегося вдребезги стекла за спиной привел ее в чувство. Она припустила со всех ног. А вслед Музе несло:

– Убирайся из моего дома! Мерзавка!

Наверное, только в таком состоянии можно было сразу же найти выход и вылететь из дома пулей. По дороге Муза схватила с вешалки свою куртку и шапочку.

Она бежала по скользкой плитке, рискуя сломать ногу, к открытой, слава богу, калитке. Вот и она... Муза очутилась на улице и, выбрав правильное направление, быстрым шагом пошла к автобусной остановке. По дороге она несколько раз обернулась и проверила, нет ли за ней погони. Погони, конечно, не было, да и не догнал бы ее Григорий Георгиевич в таком состоянии.

До автобусной остановки она добралась вспотевшая и запыхавшаяся. В голове вертелась мысль: «Ну и дура же я! Повелась на заработок! Еще один клиент! Богатый! Настю убью! Чуть не влипла. Психопат-алкоголик... Только его мне не хватало! Такой прибьет, и ему ничего не будет. Так мне и надо! Слава богу, что удалось убежать!»

Глава 3

Домой Муза вернулась на взводе. Чтобы успокоиться, поставила чайник и села за компьютер. На сайте знакомств обнаружила пару неприличных предложений заняться сексом на камеру и посмотреть порно в уютном месте. Через пару минут пришло спасительное сообщение от Алексея: он готов с ней встретиться, несмотря на то что всё еще не очень хорошо себя чувствует. Он извинился, что не смог прийти.

«Похоже, что он хронически чувствует себя нехорошо», – мелькнула мысль у Музы, но открытое славянское лицо Алексея, переписка без намека на пошлость и его скупые грамотные фразы на фоне остальных сообщений выглядели обнадеживающе. И Муза вновь дала согласие на свидание, очень осторожно намекнув, что в этот раз она хотела бы с ним увидеться, а то в прошлый раз у нее пропал зря день. Алексей заверил ее, что обязательно придет, если, конечно, ему кирпич на голову не свалится.

«Надеюсь, что этого не случится...» – высказала робкую надежду в ответ Муза, и Алексей назначил ей встречу в большом торговом центре на следующий же день.

«Как я вас узнаю? Вы похожи на фото, которое выставили?» – поинтересовался он.

«Я не знаю. Думаю, что да. Правда, прошло два года».

«А во что вы будете одеты?» – поинтересовался Алексей.

«Ой, меня ваш вопрос просто в тупик поставил. Знаете, как у нас, у женщин? Я пообещаю вам, подробно опишу, а сама возьму и надену в последний момент что-то другое. Поэтому лучше по фото», – честно призналась Муза.

«Ну, тогда я опишу себя! – радостно сообщил Алексей. – Я-то точно знаю, в чем приду!»

«Я вся внимание», – ответила Муза, радуясь его сговорчивости.

На следующий день Муза снова навела полный марафет, благо это было несложно, так как особых изъянов на лице не имелось. Требовалось только приукрасить себя еще больше. Алексей прислал ей эсэмэску, подтверждая свидание. Воодушевленная, Муза пошла на встречу в надежде, что идет навстречу судьбе. Муза надеялась и верила в грядущее счастье, ну как все мы... бабы дуры...

В торговый центр она явилась раньше оговоренного времени, чтобы найти туалетную комнату, снять шапку, причесаться и припудрить носик.

Через десять минут она стояла у фонтана во всеоружии и нетерпеливом ожидании. Вдруг тренькнул телефон. Пришла эсэмэска: «Извините, опаздываю на полчаса». Муза досадливо прикусила нижнюю губу: «Ну надо же! Опять!» Она всё же решила дожидаться Алексея, чего бы ей это ни стоило. Для начала она прошлась по отделу косметики и с умным, знающим видом понюхала несколько предложенных ей ароматов. Один даже понравился, но таких денег у нее не было. Прослониалась Муза по бутикам в общей сложности минут пятнадцать и снова вышла в назначенное место.

У фонтана, над которым уходили вверх эскалаторы, она обнаружила скамеечку, на которой спиной к ней уже сидели мужчина средних лет, разговаривающий по телефону, и ростовая свинья с большой праздничной коробкой в копытах. То ли логотип всего торгового центра, то ли какого-то отдела, то ли намек на свинское обслуживание. Муза ухмыльнулась – розовая огромная хрюшка показалась ей забавной. Музе было некуда деваться, и она втиснулась между женщиной и Хавроньей, которые покорно подвинулись.

Мужчина еще сказал пару фраз в телефон и нажал на отбой. Муза, обладавшая абсолютным музыкальным слухом, невольно повернулась к нему, потому что его голос показался ей знакомым.

Каково же было ее удивление, когда она увидела... отца девочки Виктории, который вчера чуть было не уколол ее пустой бутылкой! Выглядел Григорий Георгиевич сегодня вполне прилично: черное кашемировое пальто, синий шелковый шарф, дорогие ботинки. Легкий запах дорогого мужского парфюма довершал картину.

– О господи! – выдохнула Муза.

– Это вы? – в свою очередь удивился Григорий Георгиевич, нахмурившись, словно припоминая что-то явно не очень хорошее.

– Не знаю, что вы имеете в виду, – ответила она.

Надо же было вот так встретиться второй раз за два дня в большой деревне Москве. Просто рок какой-то...

– Учительница музыки? – уточнил он.

– Всё верно, надо же, а я думала, вы были в таком состоянии, что ничего и не вспомните.

– Ну, почему же... Я вас помню. Имя только забыл. Необычное какое-то, – слегка улыбнулся Григорий Георгиевич.

– Да, с памятью у вас неважно. Меня зовут Муза.

– Точно! А еще...

– А еще вы запулили в меня бутылкой, – сказала она. – Чуть не убили! Нормально?

– Я это помню... Простите великодушно. Злого умысла у меня не было. Случайно получилось. Рад видеть вас в полном здравии, – ответил Григорий Георгиевич.

– Спасибо и на этом, – вздохнула Муза. – Извините, но вот мне видеть вас абсолютно не хочется.

– Все равно прошу прощения. – Он улыбнулся так открыто и незащитно, что Муза невольно тоже улыбнулась в ответ.

– Ладно. С кем не бывает... Надеюсь, такие приступы у вас случаются не очень часто? – уколола она его.

Григорий Георгиевич покаянно вздохнул:

– Я вчера выпил лишнего.

– Это точно!

– Вообще-то я не пью, поэтому и эффект такой, – доверительно добавил он.

– Я верю. Думаю, вам с такой реакцией на спиртное не стоит и начинать, – ответила Муза. Она посмотрела на телефон и ужаснулась: – Ой, у меня семь пропущенных сообщений. Извините, прочту.

Она погрузилась в чтение. Все эсэмэски были от Алексея.

«Осталось пятнадцать минут», «Осталось десять минут». Ну, и так далее... Муза была озадачена. Григорий Георгиевич деликатно кашлянул:

– Кхе... Вы, конечно, извините. Чужие послания читать нельзя. Я случайно прочитал... Чего вы с таким нетерпением ожидаете? Запуска с Байконура? – поинтересовался он.

Муза покраснела под взглядом его внимательных темных, теплых глаз.

– Нет, я не состою на секретной службе, и запуск космических кораблей меня волнует меньше всего.

– А вы сегодня выглядите как-то по-другому, – вдруг внимательно посмотрел на нее Григорий Георгиевич. – Наряженная... то есть накрашенная...

– Это нетактично, – покраснела она.

– А я нетактичный в любом виде – и пьяном, и трезвом.

– Я это уже поняла. Я же не спрашиваю вас, почему вы тут сидите рядом со свиньей? – ответила Муза, начиная нервничать, потому что скоро, уже совсем скоро должна была состояться знаменательная встреча с болезненным Алексеем.

– Так я могу ответить, что я тут делаю, – дернул плечом Григорий Георгиевич. – У меня секретов нет. Я директор этого торгового центра, всё очень просто. Вернее, один из учреди-

телей. Поэтому имею полное право здесь находиться, я фактически на работе. А вы, похоже, на свидание собрались? Я угадал? – смерил он ее насмешливым взглядом. – Почему все женщины, ждущие свидания, выглядят примерно одинаково?

– Это что, социологический опрос?

– Не обижайся, я пошутил.

– Шутка не удалась! – еще гуще покраснела Муза. – И мы с вами на «ты» не переходили.

– Мы не переходили, а я перешел! Говорю же: я человек бестактный! – беззаботно отмахнулся Григорий Георгиевич. – Да и голова болит, сижу вот, проветриваюсь... Так это твой счастливый жених ведет отсчет минутам? – продолжал он глумиться.

– Ну, если честно, то да, я должна встретиться с мужчиной, вы угадали, – сдалась Муза.

– Да? И кто счастливчик? Орфей?

– Почему Орфей? Его зовут Алексей, он врач, – не знала, что ответить, Муза, стора от стыда под насмешливым взглядом, стараясь делать вид, что не замечает его насмешек.

– Так у вас первая встреча? – удивился Григорий Георгиевич.

– Ну да, но мы переписывались, – смутилась она.

Григорий Георгиевич даже привстал со скамейки.

– Ты сейчас серьезно? Ты что, по Интернету знакомишься? Нет, правда? Вот уж не думал!

– Вам-то что? – бросила она, оглядываясь по сторонам.

– Да мне-то ничего! Но это же очень опасно. Ты что, не читала, сколько там грязи? Сколько маньяков? Я просто за тебя переживаю. Разве так можно? Ты такая ранимая и беззащитная... Учительница музыки и маньяк – не пара. Ужас! Как ты дошла до жизни такой?

– Почему сразу маньяк? А как можно познакомиться в наше время? Он, между прочим, врач. Придет сейчас... Я не хочу об этом говорить, тем более с вами.

– И как он выглядит, ты знаешь? – прицепился как репей Григорий Георгиевич.

– Он сказал, что будет с рюкзаком и в меховой шапке.

– Вот как? В это время года? Многие люди еще без шапок ходят, а он – в меховой? – хмыкнул Григорий Георгиевич.

Муза не нашлась что ответить, потому что сама думала об этом.

– Я бы по одному описанию не стал бы с ним встречаться, – честно сообщил он, улыбаясь. – Это всё очень серьезно!

– Мало ли, человек болеет, – отвела она глаза, а Григорий Георгиевич не отлипал:

– А ты по-другому не могла познакомиться? Вроде нормальная женщина... Вокруг мужиков, что ли, нет?

– А вот это уж совсем не ваше дело, – заявила Муза.

И тут ее взгляд остановился на высоком и очень нескладном мужчине, идущем к фонтану странной, размашистой походкой, словно у него все конечности были на шарнирах. Такого можно было вычислить как в песне: «Я милого узнаю по походке». А на сутулой спине действительно болтался большой рюкзак. Он стрелял глазами вокруг себя и что-то быстро писал в телефоне.

Григорий Георгиевич тоже проследил за ее взглядом и присвистнул:

– Ого! Не твой кадр? Только на врача он не похож... Скорее на пациента психиатрической больницы...

– Мой, наверное... Точно! – сообщила она, так как ей на телефон снова пришло сообщение: «Я на месте!»

– Тебе помочь? – вдруг спросил Григорий Георгиевич совершенно серьезно.

– Чем?

– Может, не осознаешь, что это ты? Стремный он какой-то, – сомневался Григорий Георгиевич.

«Да уж, на фоне тебя самого Алексей выглядит просто клоуном», – почему-то подумала Муза и решительно направилась к потенциальному жениху. Больше терпеть унижение от этих насмешливых красивых глаз она не хотела. Да и с человеком она обязана была встретиться, даже чтобы поставить все точки над «i». Она осторожно приблизилась к мужчине.

– Алексей?

Он сфокусировал на ней взгляд бегающих светлых глаз в обрамлении рыжеватых ресниц и энергично замахал руками.

– Ой, это вы? Муза? Нет, не может быть! Ну, вы, Муза, даете! Ну, даете! Ну, даете! – затряс он головой.

Муза оторопела.

– Что я даю? – растерялась она, вытирая щеки от капелек его слюны, летящей изо рта.

– Выглядите лучше, чем я мог предположить, вот что! Красавица! Никогда бы не предположил! Такая женщина! Богиня! Небесное создание!

– Спасибо.

– Пойдемте, пойдемте, Муза моя! – потянул Алексей ее за руку. – Мы обязательно сейчас найдем столик и выпьем чего-нибудь! – Он почти поволок ее к эскалатору.

Наверху располагалась ресторанная зона, здесь было полным-полно разнообразных кафе быстрого питания. Муза спиной почувствовала прощальный взгляд Григория Георгиевича, которым он проводил ее.

«Не всем же везет, как его жене, – подумала Муза с долей грусти. – Такие красивые и богатые всегда бывают заняты. А мне досталось это чудо-юдо, других слов не подберу. Но любой человек имеет право на счастье, и я в том числе, хоть и дура набитая... Может, Григорий Георгиевич и прав: я ничем не обязана этому чудаку, могла бы и не подходить к нему, раз сразу не понравился...»

Алексей беспокойно метался вокруг столиков. Муза видела, что посетители кафе с любопытством смотрят на них, и ей стало стыдно за своего спутника. Она постаралась отстать от него на несколько шагов, чтобы не думали, что они вместе. Но он постоянно оборачивался и кричал:

– Всё занято! Всё занято! Ты посмотри! Вот ведь Москва! Одни проезжие! То есть приезжие! Это ужасно! Ужасно! Скоро нам, коренным москвичам, негде будет голову приклонить, нечем будет дышать и нечего будет есть. Приезжие всё сожрут! Это же не люди, это – саранча!

По его лицу из-под меховой шапки тек пот, еще бы! Ведь в помещении было очень тепло. Алексей наворачивал уже третий круг вокруг столиков, и Муза не выдержала:

– Алексей, извините... Не обязательно сидеть за столиком! Мы можем просто пройтись по торговому комплексу, – робко предложила она, и тут совершенно неожиданно нарвалась на всплеск агрессии.

Алексей резко остановился и выпучил на нее глаза, сразу перейдя на «ты»:

– Да ты с ума сошла? У меня такой тяжелый рюкзак! Буду я попусту ноги бить! Сесть нам надо, и точка!

Муза несколько оторопела от его выступления.

– Ну, хорошо, – примирительно отозвалась она. – Смотрите, во-он там, – она указала пальцем, – есть два свободных места. Если поторопимся, то зайдем их.

– Где? – завертел головой Алексей. – Ну нет! Там очень дорого. Там дорого! Там дорогое кафе, – забубнил он.

Муза поняла, что еще немного – и она потеряет терпение. Внезапно Алексей сменил гнев на милость и потащил ее к крайнему столику.

– Дорого, дорого, дорого... – всё время повторял он, чем вгонял ее в краску.

– Вы не волнуйтесь, у меня есть деньги, и я сама за себя заплачу, – сказала Муза и сразу же получила вторую порцию агрессии:

– Вот как? Ты хочешь меня унижить? Если женщина принимает приглашение мужчины посетить кафе, ей не следует платить за себя. Я сам это сделаю, тем более ты меня так долго ждала, я опоздал! Я первый раз не смог прийти! – почти закричал он.

Муза готова была провалиться сквозь землю от стыда. Она уже не знала, что говорить. Стало ясно, что этот мужчина реально не в себе. А как вести себя с психическими больными, она не знала, не работала она психиатром. Но интуитивно Муза понимала, что она не должна ему перечить, только соглашаться, так меньше агрессии выплескивается наружу. Официантка принесла им по объемному меню, но она сразу же сказала, что будет пить только кофе.

– Десерт? – уточнила официантка, рискуя навлечь на себя гнев Алексея.

– Я не голодна! Только кофе, – быстро ответила Муза.

– Хорошо тебе, ты можешь кофе пить, – сказал Алексей. – А я болею, сижу на таблетках. «Это видно, мог бы и не говорить, что болеешь...» – отметила Муза.

– Мне кофе нельзя, – закончил мысль Алексей, наконец-таки снимая с головы шапку и являя миру светлые жиденькие волосики, прилипшие от пота к голове, имеющей форму яйца.

Музу даже затосило. Она отвела взгляд в сторону и тут же вздрогнула. Совсем рядом от них сидел за столик Григорий Георгиевич. Официантка подала ему меню. Муза почему-то густо покраснела, а Алексей в это время очень громко выяснял у официантки, что входит в состав предлагаемого «Домашнего морса».

– Клюква... – растерялась девушка.

– Это понятно, что клюква! А что еще? Может, брусника, малина? И какая вода и какой сахар или заменитель? А можно мне заменить сахар на мед? Что-то советуйте уже, не стойте столбом! – поторопил Алексей официантку. – Мед-то полезен! Я, правда, вспотею еще сильнее, но что делать? Кофе-то мне нельзя!

Он так долго и нудно все это выпрашивал и выяснял, что официантка уже закатила глаза, понимая, что это может никогда не закончиться. Алексей словно узнавал рецепт какого-то очень сложного блюда, а шеф-повар не хотел раскрывать его рецептуру. Наконец взмокнувшая официантка удалилась к соседнему столику.

– Почему вы наш заказ не отдаете в обработку?! – заорал покрасневший Алексей ей вслед.

Девушка испуганно обернулась.

– У меня электронный блокнот, ваш заказ уже поступил на кухню, – пояснила она, изумленно и несколько испуганно хлопая ресницами.

А Муза между тем встретилась глазами с темными и весьма впечатляющими глазами Григория Георгиевича и снова покраснела. Тот первым отвел глаза и продиктовал официантке заказ. За это время Алексей попытался еще раз свести Музу с ума. Он начал рассказывать о своей работе, вернее, о том, что его преследуют заговоры и неприятности, организованные недругами и предателями. На новую работу его не берут, а берут исключительно женщин, потому что существуют скрытые гонения на мужчин.

Муза согласно кивала, дабы не гневить рассказчика и не провоцировать его, она уже оценила состояние его нервной системы. Она-то прекрасно понимала, почему его не принимают на работу. Если бы она была работодателем, то вызвала бы ему психиатрическую помощь, а не предложила работу.

Вскоре Алексей плавно перешел к рассказу о своей семье, рассказал о своих двух женах. Естественно, обе они оказались самыми худшими, самыми непонимающими на свете, склочными бабами. Одна, например, не понимала, что он тяжело, страшно, почти неизлечимо болен. Она его, больного насквозь, выгнала из дома! Представляешь? Больного человека с высокой температурой выгнала из дома за фруктами для их дочери!

Муза понимающе улыбнулась. Но она никак не могла для себя уяснить совсем другое: как это чудело с ярко выраженной агрессией умудрилось жениться два раза? В голове родилось

страшное, но очень подходящее к случаю слово «шизофрения». Именно это заболевание протекало с затишьями и явными обострениями. В данный момент имело место явное обострение. Алексей брызгал слюной, лицо его то краснело, то бледнело, а взгляд был устремлен почему-то на ее губы и грудь, причем был каким-то мутным, несфокусированным.

Муза кинула взгляд на Григория Георгиевича, но он не внял ее тревоге, потому что с аппетитом что-то ел с большой тарелки. Только теперь она оценила то, что он рядом, все-таки хоть одно знакомое лицо. Ей давно принесли кофе, а Алексею – напиток, больше напоминающий компот с плавающими красными ягодами. Он все время вылавливал эти ягоды, отжимал их о край чашки и потом долго смаковал с жутко противным присвистом и причмокиванием. Музу стало подташнивать.

– Витамины, всё оплачено, – пояснил он, хлопая носом.

Вздыхнув, она снова посмотрела на Григория Георгиевича. Он уминал какое-то вкусное блюдо, чего она была лишена. У Музы засосало под ложечкой, она почему-то очень сильно захотела есть. Вот бы мяса или рыбы, но меню не предусматривало жадного кавалера. Леша все потел и потел, распаяясь сильнее.

– А ты очень красивая женщина! – заявил он. – Я тебе это сразу же сказал!

– Спасибо.

– А сейчас мы поедem ко мне! – заявил Алексей.

– Извините, Алексей, но не в этот раз, – ответила Муза, думая только о том, чтобы унести от него ноги и потом очень вежливо сообщить по электронке, что он прекрасный человек, очень умный и симпатичный, но просто не ее размер... Пожелать ему если не лечения, то продолжения поиска...

Но Алексей сразу же зацепился за ее отказ.

– Я не понял, Муза, ты что, кинуть меня хочешь? Это что, у меня опять не состоится? Очередная кинула меня? Ну уж нет! Мне это надоело! Это просто невыносимо! Я не позволю никому издеваться над собой! – Он вскочил со стула и орал стоя. – Сучки выпивали за мой счет, некоторые даже пытались есть, но я не идиот! Ты от меня не упорхнешь, бабочка! – Глаза Алексея налились кровью.

Он резко наклонился вперед и сделал то, что нормальный человек даже в страшном сне подумать не мог: вонзил вилку в ее свободно лежащую на столе ладонь, пригвоздив ее к столешнице, словно бабочку иголкой. От шока Муза даже не сразу почувствовала боль. Раздался дикий женский крик, но Муза точно знала, что кричит не она, а сидящая рядом девушка, которая наблюдала эту картину.

Алексей же, похоже, униматься не собирался. Он бросился к ней, словно стремясь задушить. Григорий Георгиевич в два прыжка преодолел расстояние от своего места до их столика и двумя ударами свалил Алексея на пол. Тут же раздался крик:

– Сволочь!.. Психопат!.. На помощь!.. Врача!.. Какой-то урод!.. Что с девушкой сделал!.. Ой, какой кошмар... Прямо как в фильмах ужасов!.. Я не могу на это смотреть!.. Она тихо сидела, а этот маньяк с первой минуты вел себя неадекватно!.. Господи! Вызовите кто-нибудь полицию и «скорую»! Какое зверство!..

Толпа вокруг их столика становилась всё плотнее.

Муза, окаменев, смотрела на свою припиленную руку. Крови фактически не было, только тоненькая струйка текла из одного прокола зубцов вилки.

– Тихо-тихо, только не теряй сознание! Всё хорошо! Всё сейчас будет хорошо! – суетился возле нее Григорий Георгиевич.

И тут Муза почувствовала дикую боль в ладони, словно организм, первоначально замерев от шока, наконец отреагировал. Мужчины скрутили Алексея и связали ему руки за спиной, кто-то пожертвовал свой галстук для этих целей.

– Тихо! Тихо! – прижал ее голову к своей груди Григорий Георгиевич. – Я сейчас достану вилку. Потерпи...

– Нет! Не надо! Не трогайте меня! – взмолилась Муза, обливаясь слезами. – Мне так страшно...

– Муза, успокойся! На раз, два, три! Врачи уже спешат на помощь! Но мы же не поедем в больницу вместе со столом! Откуда у этого уroda такая сила? – удивился Григорий и, прижав Музу к себе, выдернул из ее руки вилку.

Последнее, что запомнила Муза перед тем, как потерять сознание, была окровавленная вилка в дрожащей руке Григория Георгиевича и его глаза, на этот раз абсолютно серьезные...

Глава 4

В кабинете медсестры, на перевязке, Муза посмотрела на свою покалеченную руку, которую обкололи обезболивающим, зашили сосуд в одном месте и перебинтовали стерильными бинтами. Ей снова стало плохо. Медсестра уже несколько раз растирала ей виски нашатырем.

– Девушка, да вы возьмите себя в руки, в конце концов! Чего вы все заваливаетесь спать-то? Не пойму, то ли сознание теряете, то ли спать хотите...

– Вы мне что-то укололи, – пожаловалась Муза.

– Успокаивающее, вы были очень возбуждены.

– Мне плохо от вида крови! – продолжила ныть Муза.

– Не капризничайте! Уже все перебинтовано и нет никакой крови! Хватит тут глаза закатывать! Людям работать надо! А все только вокруг вас и бегают! Вы уж извините меня, девушка, но я слышала вашу беседу со следователем. Познакомиться вы хотели! По Интернету! Там же одни маньяки и извращенцы! Вот и получили, что хотели! Сами виноваты! Думать надо головой и мужиков искать нормальных, а не в этом ящике! Ясно?

– Мне одно не ясно: что вы так распалились? – нахмурилась Муза. – Это вообще не ваше дело! Понятно? Где и кого я хотела искать!

– Понятно, понятно! – хмыкнула медсестра и вышла, оставив Музу одну в кабинете.

Ей снова стало нестерпимо жаль себя. За дверью раздался веселый женский смех, и в кабинет забежала молоденькая медсестра с розовыми щеками и горящим взглядом. Она сразу же зашебетала:

– Ой, какой у вас веселый и хороший мужчина! Вы уже готовы? Можете идти!

– Какой мужчина? – не поняла Муза.

– Который вас ждет! Он нам такой стол накрыл! Столько вкусного! Смешил нас! Весело вам живется, наверное! – не успокаивалась она. – Как вместо такого красавца можно было искать кого-то другого! Совсем я иногда нас, женщин, не понимаю! Ищем себе неприятности и приключения на одно место!

Муза взяла свои вещи и вышла из кабинета. Уже на ступеньках больницы ее догнал Григорий Георгиевич.

– Кричу тебе! Идешь, даже не оборачиваешься!

– Так это вы? – удивилась она.

– Что – я? – не понял Григорий Георгиевич.

– Веселый мужчина, угощающий медсестер вкусностями? – уточнила она.

– А... это... – засмеялся Григорий Георгиевич. – Пойдем к моей машине, я подвезу.

– Зачем вы здесь? Зачем, вообще... – поежилась она, а он ласково, но настойчиво продолжал тянуть ее к машине за здоровую руку.

– Идем, холодно.

– Я, конечно, очень благодарна вам, что вы и в кафе мне помогли, я даже подозреваю, что вы там не случайно оказались.

– Я пошел тебя подстраховать, это точно, да заодно и поржать дальше над этим чуваком. Он сначала выглядел весьма комично. Нельзя было предположить, что он такое выкинет. Я сам на секунду растерялся.

– Вы быстро среагировали! Да и вилку вытащили...

– Муза, можно на «ты»? Я сразу же предупредил, что из знакомства по Интернету ничего не выйдет, но я не ожидал такого, честное слово. И в мыслях не держал! Если бы только можно было предположить, чем это свидание закончится, я бы не пустил тебя к нему.

– Вы еще скажите, что из-за чувства вины и здесь со мной остались. Спасибо большое, но ваша миссия выполнена, – отвела глаза Муза.

– Моя миссия будет выполнена, когда я тебя, не совсем, правда, уже в целости и сохранности, довезу до дома. Говори адрес, и в путь!

Муза тяжело вздохнула и села в машину.

– А с этим... Алексеем что будет? – спросила она.

– Надеюсь, что-то будет. Надеюсь, лечиться отправят... – посмотрел на дорогу Григорий Георгиевич. – Поможет ли? А то выйдет и опять – по сайтам знакомств.

– Если больной, то пусть лечится, – не согласилась с ним Муза. – А он, судя по глазам, явно ненормальный.

– Да я бы сказал, что и по поступкам тоже, – усмехнулся Григорий Георгиевич.

– Это точно.

– А так ему бы впаяли причинение тяжкого вреда здоровью как миленькому, – задумался Григорий Георгиевич.

– Кисть руки, да еще левой, а я правша, это разве тяжкий вред здоровью? – уточнила она, не отрывая от своего спасителя взгляда, словно стараясь запечатлеть в памяти его профиль.

– Ты музыкантша, пианистка, а это – тяжкий вред здоровью, – заверил ее Григорий Георгиевич со знанием дела. – Я, кстати, переживаю, как ты теперь играть сможешь?

– Я уже сама не играю, перешла на преподавание, – ответила Муза. – Но учу я неплохо.

– Я не сомневаюсь. Значит, перешла на тренерскую работу? Только мою дочь не захотела взять?

– Опять начинается! – всплеснула руками Муза и болезненно поморщилась. – Я уже вам всё сказала!

– Ладно-ладно, не буду больше приставать, – покосился на нее Григорий Георгиевич. – Сам повел себя не лучшим образом.

– Вот именно! Смотрите на дорогу!

– На тебя интереснее, – засмеялся Григорий Георгиевич. – А почему сама не играешь?

– Играю, но не на том уровне, чтобы радовать почтенную публику, – ответила Муза, засматриваясь на мелькающую за окном рекламу.

– И все же? Это большая тема, да? Я правильно почувствовал?

– Не совсем здоровая, – согласилась Муза и вкратце рассказала Григорию Георгиевичу, не вдаваясь в подробности «эротического» толка, что отморозила себе руки, вернее, кисти рук и не в полной мере теперь чувствует клавиши.

– Что же за невезуха такая? – удивился Григорий Георгиевич. – На твои руки словно кто-то заклятие наложил.

– Наверное, это последняя капля, чтобы я уже и не дергалась, – отозвалась Муза. – И по своей дури, ты прав. Надо было сразу почувствовать неладное. Интуиция подкачала.

– Не надо знакомиться в неподобающих местах, – не смог не прокомментировать он. – Ты, главное, не впадай в депрессию, что-то надо придумать.

– В смысле? – не поняла Муза.

– Ну, чтобы дальше жить и работать, даже потеряв профессию, – ответил он.

– Меня трогает твоя забота, но я как-нибудь сама разберусь. Честное слово! Я уже и работу поменяла, преподаю, вроде свожу концы с концами. Скоро рука заживет, надеюсь, смогу дальше учить детей...

– Я тебе этого желаю и молчу о дочери. Главное – понимать, что безвыходных ситуаций нет. – Он прибавил газу.

– Спасибо. Кстати, у вашей девочки в комнате на стенах много рисунков. Она сказала, что сама нарисовала. И они очень даже неплохи.

– Да, она рисует с тех пор, как взяла карандаш в руки, – подтвердил Григорий Георгиевич.

– Так вот, я не художница, конечно, но у вашей девочки талант! Это явно! Очевидно! Пусть рисует, к этому у нее точно способности есть! – посоветовала Муза.

– А у тебя и родители музыканты? Извини, что интересуюсь. Назвали дочку Музой, и профессия у тебя соответствующая.

– Отец – да, но его уже нет, мама – учительница, так что преподавание у меня в крови, – ответила Муза.

За такими неспешными разговорами они подъехали к ее дому.

– На кофе не пригласишь? – спросил Григорий Георгиевич, улыбаясь. – Хотя я понимаю: рука, нервный стресс и всё такое...

– Нет, дело не в руке, – твердо сказала Муза. – Спасибо за всё.

Она вышла из машины, излишне громко хлопнув дверцей, так как хотела, чтобы она сразу же закрылась, и гордо удалилась. Муза не видела его жену, но видела его дочку, очаровательную малышку, и этого было достаточно, чтобы почувствовать боль в сердце. Женатые мужчины для Музы были беспрекословным табу. Хотя Григорий Георгиевич чисто по-человечески и внешне очень ей понравился, несмотря на то что первое впечатление о нем у нее было не самое лучшее. Второе впечатление, как говорится, оказалось более приятным.

Светлана Игоревна побледнела как смерть, когда увидела руку дочери.

– Что опять случилось? Ты упала? Откуда это?

– Ерунда, неудачное свидание, – отмахнулась Муза.

– Что за напасть такая? Что у тебя все с руками случается-то? Словно специально! Назвали Музой, профессию дали музыкальную, а все напасти на руки. Сглазил тебя кто-то, точно! Пианистка! – чуть не заплакала Светлана Игоревна.

– Мама, ну какой сглаз! Что ты, в самом деле! Совпадение! Все равно не играю! Чего уж теперь? Как сказал один человек, главное, не впадать в депрессию, безвыходных ситуаций не бывает.

... Несколько дней Муза ходила на перевязки и давала уроки своим ученикам. И снова ей пришло письмо, на этот раз от вновь объявившегося поклонника Максима. Фотография была опять очень даже симпатичная. То, что она не ушла с сайта знакомств, удивляло даже ее саму.

«Не может быть, чтобы я дважды наступила на одни и те же грабли, – подумала Муза. – Хуже, чем Алексей, Максим уж точно не будет!»

Однако вела она себя в этот раз более осторожно.

У них завязалась бурная переписка.

Но мужчина настолько литературно и хорошо изъяснялся, что ее затянула эта переписка. Она и днем, и вечером отвечала на его письма. Он писал и стихами, и про свою жизнь, и про нелегкую работу со сталью и сплавами – работал он инженером на сталеплавильном заводе. Такая суровая, мужская работа, что делать? Да и спортом-то он занимался. Да и не пил, не курил. И самое главное для Музы – он был свободен!

Она почувствовала, что тоже заинтересовала его. Ведь женщина она была образованная и интересная в общении. Ее спасала такая переписка, она лучше раскрывалась, так как не видела собеседника и потому не смущалась. Ей было так легче. Она тоже написала ему о себе, показав интеллигентность и порядочность, не вдаваясь в нудные описания того, что ей пришлось вынести в жизни. Максим охотно отвечал ей, радуясь, что встретил нормальную женщину.

Маме Муза совершенно неожиданно даже для себя призналась, что встретила мужчину, который произвел на нее неизгладимое впечатление, но имела она при этом в виду Григория Георгиевича. Впечатление это было исключительно приятным. Светлана Игоревна была очень удивлена такой откровенностью дочери.

– Ты раньше никогда так не говорила о мужчинах... А тут заявляешь, что кто-то понравился?

– Мама, я таких и не видела раньше. Он ироничный, красивый и такой надежный!

– Ну, а дальше-то? Наконец-таки! – боялась даже поверить в возможное счастье Светлана Игоревна.

– Да что ты! Это он мне понравился! Я-то – нет.

– А-а... – разочарованно протянула Светлана Игоревна. – А где ты с ним познакомилась?

– Я к нему домой приходила, дочку прослушать, – пояснила Муза.

– В семью?! – ахнула Светлана Игоревна. – Ты с ума сошла? Так он женат? Господи! Докатилась! А я-то, дура, обрадовалась!

– Мама, я и не говорила, что он мой! Я же говорю: сама не знаю, что на меня нашло. Впервые такое.

– И ты будешь заниматься с девочкой? – прищурилась мама, уже держась за область сердца.

– Нет. У Вики совсем нет музыкальных способностей, – вздохнула Муза.

– Вот и хорошо! Вот и славно! Не надо тебе вмешиваться в чужую семью, женатый мужчина – табу. Это совсем нехорошо! Не надо тебе там даже показываться, сам бог отвел беду, – нервничала Светлана Игоревна.

– Так я о том и говорю: те, которые нравятся – заняты, женаты. А я... я даже не знаю... Вот пытаюсь найти свободного, но пока что-то... Ой, даже говорить не хочу! Что-то вроде намечается, но тоже сглазить боюсь.

– Ты пугаешь меня. Что сейчас случилось? Почему вдруг ты решила интенсивно искать мужчину? – Глаза Светланы Игоревны стали еще больше.

– Меня подруга убедила, что надо хотя бы попытаться... а то ведь и правда жизнь пройдет мимо, а потомхватишься, а будет поздно.

– Настя подсуетилась? – уточнила мама.

– Она.

– Вот молодец! Ты слушай ее, слушай! Она тебя научит уму-разуму. Уж поумней тебя и опытнее в этих делах!

– Вот и слушаю, – вздохнула Муза. – Только трудно искать гипотетического мужчину, если тебе уже один нравится.

– Этот женатик? Ой, не говори мне о нем! Не хочу слышать! – запротестовала мама Музы.

Переписка с Максимом становилась всё интенсивнее. И вот настал час икс. Они договорились встретиться в одном из кафе.

Муза приехала, не опаздывая, принарядившись и даже в свежем бинте. Максим произвел хорошее впечатление – был высок, статен, обладал громким голосом и яркой улыбкой. Такой ее назвала бы Муза из-за сверкающих фикс на всех зубах. Просто закат солнца во рту, и это было жутковато.

Они тихо-мирно разместились за столиком и сделали заказ. И тут Муза снова испытала шок – он вдруг заорал на все кафе:

– Я должен признаться вам! Я не Хуан, я Гуан!

Народ начал на них оглядываться, а Муза похолодела, потому что подумала, что снаряд второй раз попал в одну и ту же воронку – она опять встретилась с психом. «Не может быть! – подумала она. – Хотя я уже имею опыт общения с шизофрениками. Может, я на сайт шизофреников зашла? Они там и кучкуются, и знакомятся, и я туда влезла сдуру, не разобравшись». Но тут Максим вовремя исправился, заметив ее внезапную бледность.

– У вас такое недоумение на лице. Дело в том, что я не Максим, а Михаил, – пояснил он неизвестно для чего.

Муза напряглась еще больше.

– Как – Михаил? Я же столько с вами общалась и называла Максимом... Почему вы раньше не сказали?

– Максимка – это я так шифруюсь, – засмеялся ее новый знакомый.

Муза уже ничего не понимала.

– Шифровался? Зачем? Для чего шифроваться? Вы что, иностранный шпион? – попыталась пошутить она. – Я вам правду говорила.

– И я правду! – ответил Максим-Михаил.

– Извините, а вы точно свободны? Не женаты? – заволновалась Муза, беспокоясь о том, что он еще может скрывать, ради чего шифроваться? Дурацкая история с именем сразу же наводила на определенные мысли.

– Это неоднозначный вопрос, и на него нужно давать неоднозначный ответ, – замялся Максим-Михаил.

Муза сразу же все поняла.

– А мне кажется, что это очень простой вопрос и ответ на него однозначный, – ответила она, закипая в душе.

– Я официально женат, но с женой не живу, – запел известную песню Михаил.

– Понятно, – изменилась в лице Муза, и дальше разговор уже не клеился, как бы он ни петушился и ни пытался произвести впечатление.

Она смотрела на этого шифровальщика и видела на его лбу только одну надпись: мальчик хочет погулять и поразвлечься. К чувствам это не имеет никакого отношения и к порядочности – тоже, а следовательно, и уважение к человеку мгновенно улетучивалось.

Встреча прошла впустую. Настроение Музы стремительно падало. Она вскоре сообщила, что спешит, у нее еще дела, и покинула кафе.

Дома она позвонила Насте и пригласила ее в гости. Подруга приняла эту историю очень близко к сердцу.

– Чего ты мучаешься? В Интернете один сброд! Там не найдешь ничего стоящего! – распалялась Настя.

– Да ты же сама меня поддерживала и говорила, что я делаю все правильно! – возмутилась Муза.

– Я могла ошибаться, я же живой человек. Я не знала, что в Сети собрались одни неудачники, больные люди и любители приключений. Надо действовать другими способами!

– Какими? Я сломлена, ничего мне не надо, жила я без этого – и дальше проживу, – ответила Муза. – Оставьте меня уже все в покое... Надоело чувствовать себя дурой.

– Нет! Я знаю одно брачное агентство, мимо прохожу через день, там у дверей рекламки проходим раздают. Вот туда и пойдём! – твердым голосом сказала Настя.

– Брачное агентство? Час от часу не легче! Это еще зачем? – удивилась Муза.

– Затем, что надо! Так будет вернее. По старинке – оно лучше... поверь мне.

И Муза решила довести до конца поиск спутника жизни, попробовать все способы, раз уж начала – не сдаваться.

Глава 5

На другой день Муза переступила порог брачного агентства. Она почувствовала себя первоклашкой, пришедшей на собеседование. В роли учительницы выступала Ольга Юрьевна Туманова, женщина лет сорока пяти с короткой мальчишеской стрижкой и сильно накрашенными карими глазами. Одета она была в трикотажную кофту и джинсы – одежду тинейджеров, не по своему возрасту и статусу. Всё в обтяжку, причем нельзя было сказать, что у нее идеальная фигура. У Ольги Юрьевны и бедра были полноваты, что называется «с ушами», и свитер подчеркивал складки по бокам. Но дама оказалась абсолютно без комплексов. Она опытным взглядом окинула Музу, задержавшись на ее лице. Взгляд у Ольги был похуже рентгена, словно она увидела Музу голой, причем и душу, и тело...

– Присаживайтесь, пожалуйста. Вы первый раз у нас?

– Спасибо. В первый, – робко присела на край стула Муза.

– Муза Юрьевна Ромашкина... – метнула Туманова на посетительницу свой не очень приятный взгляд. – Псевдоним?

– Нет... это мое имя.

– Тридцать с хвостиком? – снова стрельнула взглядом.

– Да.

– Детей нет, разведена? – наконец-таки оторвала взгляд от заполненной Музой анкеты директриса брачного агентства.

– Всё верно.

– Учительница музыки без вредных привычек? – Почему-то в ее устах эта фраза прозвучала приговором или издевательством.

– Да, – снова была вынуждена согласиться Муза.

Лицо Ольги Юрьевны не предвещало ничего хорошего.

– Знаете, милочка, что вы относитесь к группе самых сложно пристраиваемых невест? – строго спросила она, словно Муза и в самом деле сильно провинилась.

– Нет, не знаю. Я первый раз обратилась в брачное агентство, – ответила Муза каким-то излишне писклявым голосом.

– Понятно, понятно... Все вы сидите-высидиваете до сороковника, когда уже жареный петух клюнул в темя, то есть пошел целлюлит по бокам, пошла седина по волосам и щеки с веками потянулись вниз. Вот тогда вдруг все резко понимают, что надо срочно искать мужика! Вот – парадокс! Начинают искать, когда сделать это уже нереально! Потому что как раз мужчины, которые вас интересуют, то есть ровесники, чуть старше, чуть младше, адекватные, умные, зарабатывающие, ищут себе девушек до двадцати лет. А те еще уверены, что сами себе найдут мужа! Их еще не клюнул этот...

– Целлюлит, – вставила Муза, желая произвести на Туманову хорошее впечатление, показывая, что всё схватывает на лету.

– Какой целлюлит?! Петух! Сидят, ждут счастья... а я тут как паромщик на реке без берегов... – выпалила Туманова скороговоркой и убила Музу своим тяжелым взглядом.

– Да, у вас тяжелая работа, – робко пискнула та, совершенно не зная, что еще можно сказать.

– Она не то чтобы тяжелая, она невыполнимая! Это вот как смешать несмешиваемое и совместить несовместимое. Как вам такое?

– Ужас, – вздохнула Муза, думая: а была ли идея прийти в бюро знакомств такой уж хорошей?

– Вот именно! – вздохнула Ольга Юрьевна. – Поэтому это кровь моя, и боль, и огромное счастье, когда появляется на этой стене еще одна фотография! – вытянула она палец с ужасающим маникюром.

Муза посмотрела в указанном направлении и содрогнулась.

На стене висели пять фотографий странных людей в свадебной, можно сказать, униформе, словно все были одеты в одно и то же.

– Да! Это наши пары! Пусть их мало, но зато всё по-честному! – заявила Ольга Юрьевна. – И каждый год будут появляться новые фото! Для этого и работаем! А вот появится ли тут ваша фотография с супругом, это от вас зависит.

– Я понимаю... – Музе не захотелось «появиться» на этой стенке.

– А я все-таки поясню еще... Во-первых, мне стоит больших трудов уговорить мужчину потратить свое время на свидание с женщиной в возрасте. Что я только не говорю! Как только не убеждаю! Мол, это всего лишь ее биологический возраст, а на самом деле она выглядит много моложе, она прекрасно выглядит! А дело в том, что мужчине все равно, как вы выглядите! Он хочет иметь рядом молодое тело, может, и не совсем красивое и пропорциональное, но не натянутое фитнесами и операциями. Это – факт! Знание реального возраста женщины сильно подрывает мужской интерес к ней в целом. Такие уж они! Я к чему все это говорю?

– Да? – очнулась Муза, заслушавшись.

– Берем сразу возрастную группу мужчин от пятидесяти пяти и старше. Только они могут заинтересоваться женщинами сорока лет. Вернее, и они хотят моложе, но их хотя бы можно нацелить на такую, как вы.

– Шестидесят лет? – охнула Муза.

– Да, а что вы так удивляетесь? Они бывают словно кони! Такие... о-го-го!

– У нас средняя продолжительность жизни мужчин меньше, – не согласилась с ней Муза.

– Слушайте, не спорьте со мной! Я – профессионал. Иначе останетесь одна! Говорю – возрастные, значит, возрастные! Иначе вообще зависнете. Если бы вы были богатой женщиной, тогда совсем другое дело, тут можно было бы подобрать мужчину любого. Вы состоятельная женщина? – спросила Ольга Юрьевна с издевкой, потому что уже выяснила этот вопрос.

– Нет.

– Тогда какие вопросы ко мне? Возрастная и бедная! Какие у вас достоинства? Высшее образование? Да сейчас оно у всех! Россия – страна с высшим образованием. Оно тоже у всех подсознательно включено в обязательную программу. Кстати, могу вас еще расстроить: вы – учительница, это пойдет вам не в плюс, а в минус. Мужчины больше предпочитают женщин врачей, экономистов и меньше всего – учительниц. Это в эротической фантазии может пригодиться разочек, а в супружестве жить с училкой не хотят.

– То есть я не прохожу ни по каким параметрам? Вообще? – уточнила Муза.

– Будем работать! Что делать? – пожалала плечами Туманова. – Так-то вы вроде симпатичная...

– Спасибо, – рано порадовалась Муза.

– Не супер, конечно, но все же... Если поработать со стилистом, по-другому одеть, причесать, как-то украсить – будешь ничего... – прикинула Туманова.

Муза опять задумалась, теперь еще и о своей внешности, над которой, оказывается, столько надо было еще потрудиться, чтобы улучшить. У нее стало совсем тоскливо на душе.

– Теперь наши условия, – продолжила Ольга Юрьевна.

– Да вот... условия.

– Пятьдесят тысяч.

– Сколько?! – невольно вырвалось у Музы.

– Пятьдесят, – сурово повторила директриса брачного агентства. – Но у вас будет гарантия! – пообещала она.

– Гарантия чего?

– Мы даем шанс! Нет, три шанса! – подчеркнула Ольга Юрьевна. – То есть три встречи с разными кандидатами в одном кафе, которое мы арендуем специально для свиданий, – пояснила она.

– С тремя одновременно? – не поняла Муза, и директриса удивленно посмотрела на нее.

– Вы открываетесь для меня с новой стороны. Одновременно! Ишь чего! Учительница музыки, твою дивизию! Вам с такими фантазиями не ко мне надо, а в какие-нибудь экскорт-услуги для женщин. Могу подкинуть адресок. А здесь создаются семьи! Серьезные отношения! Это ясно? Поэтому вы встречаетесь сначала с одним кандидатом, затем с другим, ну и с третьим, если с первыми двумя ничего не получится.

– Все шестидесятилетние? – слабо пискнула Муза.

– Не волнуйтесь, вам будут предоставлены и фото, и анкеты кандидатов, и вы решите, с кем пойти на свидание, а с кем – нет. Главное – помнить, что шансов всего три и что мужчина тоже должен захотеть встретиться с вами. Иногда приходится долго ждать именно этого обоюдного согласия. И вы как женщина должны не разбрасываться мужиками. Если попадется нормальный, но не с внешностью Алена Делона, надо цепляться за него. Годы-то идут. Шанс упускать нельзя. Может, он в общении замечательный человек? Может, он очарует вас? Задарит подарками? А по фотографии этого не понять. Нет, ну если совсем неприятен, конечно, идти не надо.

– А если мне понравится первый же кандидат, я должна встречаться с другими? – спросила Муза.

– Вам решать. Можете встретиться с первым кандидатом, и если поймете, что это и есть ваша судьба, то другие свидания ни к чему. А если ничего не клеится, работаем дальше. Бывает по-разному, – пояснила Ольга Юрьевна.

– Пятьдесят тысяч, – сказала Муза, судорожно соображая, где взять такие деньги. – Примерно по шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть рублей за кандидата...

Ольга Юрьевна оставалась неумолима.

– Пятьдесят тысяч – и реальный шанс стать счастливой. Трое проверенных кандидатов, не больные, психически устойчивые, не алкоголики. А это тройной шанс! Разве он не стоит пятидесяти тысяч? – не отступала Туманова.

– Стоит, наверное. А если я никому не понравлюсь? – сомневалась Муза.

У Ольги Юрьевны даже щека дернулась.

– Вы что? Совсем уже, что ли? Ну, это уж, милочка, от меня никак зависеть не будет! Я не пойду с вами на свидание, это точно. Женщина сама должна уметь заинтересовать мужчину, кокетничать, увлечь, понравиться. Я должна вас учить этому в ваши-то годы?!

– Нет, – согласилась Муза. – Правда, я думаю, что ничего страшного в моем возрасте нет. По европейским меркам я еще девчонка. Там рожают сильно после сорока.

– Вот и ехали бы в Европу! Короче! С меня три нормальных мужика, а с вас – адекватное поведение при встречах, – хлопнула папкой по столу Ольга Юрьевна, словно ставя точку.

Возвратившись домой, Муза выпила чашечку чаю, отдохнула и решила принять предложение хозяйки брачного агентства. Пятидесяти тысяч у нее не было, для нее это были большие деньги. Но, приняв решение, она заложила золотые цепочку, подвеску и еще кое-что, а также сняла все свои сбережения, набрала нужную сумму и снова отправилась в брачную контору.

– Вот и молодец! Это – правильно! – расплылась в улыбке госпожа Туманова. – Конечно, всем поначалу кажется дорого, а потом средства находят, потому что надеются на лучшее, и вы надейтесь.

– Да, я буду надеяться, – кивнула Муза, словно в фильме «Одиноким предоставляется общежитие».

– А вы лучшие свои фотографии принесли? – снова включила цепкий взгляд Ольга Юрьевна и принялась рассматривать предложенные фотокарточки. – Нет, нет и еще раз нет. Нужны профессиональные. Ну, что это за вид? Здесь пятна на лице. Здесь какие-то прыщи. Вот здесь взгляд, который не любят мужчины.

– Это какой? – не выдержала Муза.

– Вот такой вот! Суровый и надменный! Неудачное фото просто! И вот на этой фотографии тоже взгляд плохой, но по другой причине. Он какой-то жалостливый, как у побитой собаки. На несчастье мужчины тоже не клонут. Только красота, бодрость, сексуальность и энергия благополучия! Мужчины в возрасте боятся проблем, их у них уже было очень много, они хотят отдыха и развлечений! Это я точно знаю! Слушайте меня! Я в этом деле профи!

После таких убедительных доводов Музе пришлось заплатить за профессиональную фотосессию – еще десять тысяч. Женихов на горизонте пока видно не было, а ее уже ободрали как липку.

Новые снимки от фотографа устроили Ольгу Юрьевну и совсем не устроили Музу. Она просто была в шоке. Снимки отретушировали так, что и мать родная не узнала бы. Напряженное лицо, густо накрашенные глаза, губы и грудь, увеличенные в фотошопе. По всей видимости, у фотографа было весьма своеобразное представление, как должна выглядеть женщина, которая может понравиться мужчинам так, что они захотят пойти с ней на свидание.

В общем, Муза получилась вульгарной, не похожей на себя и вообще ужасной, и это за такие-то деньги! Но спорить с Ольгой Юрьевной было абсолютно бессмысленным занятием, Муза сдалась.

– Ладно, но человек, придя на встречу со мной, сильно разочаруется, – вздохнула Муза.

– Вы не понимаете, что ли? Весь смысл – чтобы вообще пришел! А там уж вешайтесь на шею, как можете! Хотя кому я говорю... что вы можете? – покачала головой Туманова, чем вогнала Музу в еще большее уныние.

Еще новоиспеченную подопечную Тумановой смущал один факт – Муза узнала, что самой Ольге Юрьевне сорок пять лет, а ее мужу всего двадцать восемь. И тогда Муза задумалась: почему Туманова себе нашла молодого, а ей предлагает пожилых? Как ни странно, но после встречи с Григорием Георгиевичем Муза поняла, что она тоже хочет, извините, секса... А озабоченного дедушку ей не надо, да и сиделкой работать она не собиралась...

Глава 6

Муза решила побеспокоить подругу.

– Настя, ты можешь одолжить мне несколько тысяч? – спросила она по телефону. – Сколько можешь, я всё отдам.

Муза никогда не просила ни у кого денег в долг, считая это верхом неприличия. Вроде Настя была ей не чужой, но даже у нее Музе было стыдно одалживаться.

– Конечно, дам! Десять тысяч вот есть... прямо сейчас. Хватит? Могу перезанять для тебя! – тут же откликнулась Настя.

– Нет, что ты! Конечно, хватит. Мне даже меньше хватит, а то потом много отдавать, опять без денег буду! И так в долгах как в шелках, – вздохнула с облегчением Муза.

– У тебя что, совсем плохо с деньгами? – уточнила Настя.

– Да, я вот без денег... Как-то так получилось...

– Я поняла! Чего же ты молчишь? Небось, есть нечего? Хочешь, я продукты привезу? – забеспокоилась подруга. – Бедственное положение!

– Да что ты! Не беспокойся! У нас с мамой всегда есть крупа и макароны... с голода мы не умираем.

– Ну точно – совсем плохо! – ахнула Настя. – Бедная ты, бедная!

– Я не бедная, спасибо тебе, – ответила Муза, сдерживая слезы, но, повесив трубку, внезапно осела на диван и зарыдала.

Ее прорвало внезапно, моментально, словно плотину. Она обхватила голову руками, и слезы полились ручьем. В комнату ворвалась мама и бросилась к Музе.

– Доченька! Господи, что случилось?! Маленькая моя, почему ты рыдаешь? Кто обидел? Не заболела?!

Муза понимала, что ей не следует расстраивать маму, но совершенно не могла остановиться. Слезы просто душили ее. Ей стало жалко себя до чертиков. Она вдруг почувствовала острую жалость к себе, прямо до отчаяния. На самом деле, большая и лучшая половина жизни уже была прожита, впереди маячили пенсия, болезни, старость – далеко не самая лучшая часть жизни, а попросту – ее остаток, который по возможности надо было прожить достойно, а у нее и это не получалось. А ведь самым главным для нее было состояться как женщина, то есть создать семью, быть любимой и любить. Этого в жизни Музы не было, не сложилось. Второе, главное предназначение женщины, плавно вытекающее из первого, – стать матерью, и этого тоже в жизни Музы не получилось. Она всегда об этом думала, не забывала, просто не говорила вслух. А зачем говорить, если это причиняло невыносимую боль? Она не состоялась – факт неоспоримый и ужасающий.

Мужчина к сорока годам мог гордиться своими достижениями в бизнесе, а вот женщина, по большому счету, только теми достижениями, которые Муза уже перечислила. Мужчиной она не была, поэтому ее жизнь точно не удалась. Что касается бизнеса, то есть карьерного роста, чем она могла похвастаться? Денег ей специальность не принесла, только вдохновение, удовлетворение и удовольствие, что немаловажно, конечно. И больше ничего. А в данный момент она была лишена даже этой радости. Отмороженные руки лишили ее счастья игры на инструменте. И вот она, одинокая и покалеченная еще и вилкой каким-то сумасшедшим, рыдала на плече своей мамы от собственной никчемности...

Депрессия накрыла ее с головой на несколько дней. Но тут, как результат денежных вливаний в брачное агентство, пришло первое приглашение на свидание. Все-таки оставался призрачный шанс состояться как женщина, мать, может быть, и просто получить поддержку от второй половины. На электронную почту пришло сообщение от Тумановой с фотографией кандидата.

«Надеюсь, Муза Юрьевна, что вы сделаете правильный выбор. Странно, что на вас так быстро повелся мужчина. Он очень любит музыку, постоянно посещает консерваторию, имеет абонемент и указал игру на пианино в тесном семейном кругу как свое хобби. Его очень заинтересовало, что вы – музыкантиша. Мой вам совет: соглашайтесь на свидание, потому что следующего, может, очень долго придется ждать.»

Знакомьтесь: Игорь. Сорок девять лет, финансовый консультант компании, должность не безденежная, уж поверьте. Да и возраст не шестьдесят, согласитесь! Вам повезло. Он разведен, это я лично проверяю, честолобив, несколько зануден, но все мы не без греха. Двое взрослых детей, дорогой автомобиль, хорошая жилая площадь, но имущество оставил жене. Рост выше ста восьмидесяти, глаза голубые, волосы темные, художав и очень спортивен. Что немаловажно, без вредных привычек. Так что думайте и соглашайтесь!»

Муза внимательно всмотрелась в фото. Снимок был намного лучше, чем у нее. Лицо Игоря ей не понравилось, оно было заурядным, узким, светлые глаза и темные короткие волосы. Муза сразу поняла, что волосы он красит, а она терпеть не могла мужчин с крашеными волосами. Видимо, этот Игорь сильно молодился. Муза разглядывала его фотографию, пытаясь хоть что-то почувствовать, но этого не случилось.

«Высшее образование, разведенный, понравилась я, непьющий. Господи, да что мне еще надо? Вроде всё, как хотела... Может, и правда шанс? Все-таки я деньги вложила в это предприятие», – уговаривала она себя.

А перед глазами снова встало лицо Григория с его фирменной усмешкой. «Да что же это такое! – разозлилась она на себя. – Наваждение какое-то! Будь все неладно! Не могу же я теперь всех и каждого сравнивать с ним!» – одернула Муза себя и позвонила Тумановой.

– Я согласна! – сразу же выпалила она.

– На что? – спросила Ольга Юрьевна.

– На первое свидание.

– Так, для начала представьтесь, – осадила ее директриса брачного агентства, явно пребывая в скверном настроении.

– Ой, извините. Это Муза Ромашкина, я...

– Всё-всё! Знаю! С таким именем у меня только одна клиентка! С чего вы решили, что я должна по голосу узнавать, кто звонит? Да у меня знаете таких сколько? – осадила она ретивость подопечной, хорошо еще не добавив «одиноких кукушек, ждущих своего счастья».

– Я не подумала... – Муза тушевалась перед ней даже по телефону.

– Я обманывать не буду, что в базе данных одинаковое количество мужчин и женщин. Женщин вообще по стране больше, и у нас в брачном агентстве та же ситуация, потому что по-другому и быть не может, – продолжали ее отчитывать голосом строгой училки.

– Да, я поняла. Извините еще раз.

– А вот что от свидания не отказываешься – молодец! А то потом долго придется искать еще одного любителя пианисток. Ведь именно это его и привлекло. Значит, красишься, наряжаешься и в субботу к шести часам вечера в клуб «Какаду». Именно там встречаются наши потенциальные пары.

– Как я узнаю его? Ой, хотя я же видела фото, – смушалась Муза.

– Ну, ты даешь, правда! – перешла на «ты» хозяйка агентства. – Всё! В субботу тебя будет ждать мужчина! Не опаздывать! Приходи с хорошим настроением и в сумасшедшем виде, в хорошем понимании, конечно! Там тебя встретят и все сделают! Мы своих клиентов на произвол судьбы не бросаем, так что не волнуйся! – дала ей установку Ольга Юрьевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.